

ментальность, давно отрефлексированную и рационально представленную в виде стандартов, норм и стереотипов человеческой жизнедеятельности и навязчиво предлагаемую, а не естественно впитываемую и социализирующуюся как неповторимое состояние моего уникального Я. Поэтому провинция часто дарит столице людей оригинально мыслящих. А столица лучше ориентируется в мировом культурном пространстве. В контексте такого понимания своеобразия провинциальной ментальности нечто проясняется в понимании феномена Урала как очага пассионарности, который только за последнее десятилетие подарил России такое многообразие русских талантов, что едва ли в этом отношении столица может сравниться с этим провинциальным регионом.

¹ Записки о Московии. СПб., 1866. С. 98.

² Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. 1989. С. 115.

³ См. к примеру: Размышления о России и Русских: Штрихи к истории русского национального характера. М., 1994.

МЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ МЕМУАРНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

И. Л. Сиротина

Мордовский госуниверситет

Опора на знание глубинных ментальных структур своего народа – необходимое условие успешного осуществления любых социальных программ, что сегодня чрезвычайно актуально. Источниками освоения менталитета могут служить «тексты культуры», несущие как научное, так и вненаучное знание.

Мемуары во все времена были популярны, интересны, читаемы. Литература подобного рода довольно хорошо исследована филологически и исторически. Гораздо меньше внимания уделено философскому потенциалу мемуаристики, в то время как многие интеллигенты брались за исповедальное или автобиографическое перо именно из потребности «пофилософствовать» о «вечных проблемах» культуры и рассмотреть с разных точек зрения смысложизненные категории. XX век со своим техническим прогрессом подарил мемуаристам ог-

ромные возможности для самореализации, в результате появились новые формы, виды, типы и жанры мемуаристики, а значит, и новые возможности для философствования.

Периодически возобновляющиеся попытки исследователей обратиться к социально-политическим, эстетическим, нравственным представлениям участников интеллигентского движения в России являются не только актами познания отечественной истории и культуры, но в то же время актами культурного самопознания, гипотетического приобщения к приоритетным ценностям русской интеллигенции и даже актами покаяния. Взвешенные, ищущие смыслополагания, не отягощенные стереотипно-идеологическими штампами исследования, особенно необходимы сегодня, когда происходят ожесточенные споры между теми, кто безоговорочно восхваляет русскую интеллигенцию, и теми, кто готов возложить на нее вину за все беды России. Одной из проблем, продолжающих волновать исследователей, является и проблема уникальности (или отсутствия таковой) русской интеллигенции.

Обширнейший материал для подобных исследований предоставили нам сами русские интеллигенты. Как справедливо полагает Г. Г. Кириленко, «об интеллигенции говорить легко, потому что она сама говорит о себе больше всех»¹.

Русские интеллигенты оставили огромное количество письменных свидетельств своих раздумий, поисков, споров. Они вели оживленную переписку, заносили наблевшие мысли или мимолетные наблюдения в дневники, а свою миссию учительства несли не только непосредственно, но и рассказывая о своей жизни или жизни своих замечательных современников, что считали чрезвычайно поучительным. Нам достался в наследство огромный комплекс писем, документальных очерков, воспоминаний, автобиографий, дневников и исповедей, одним словом, та литература, которую принято называть мемуаристикой и которая составляет весьма продуктивный пласт вне-научного знания. Сегодня ареной подобных раздумий становятся страницы журналов и газет, радиомикрофон и телеэкран.

Русская интеллигенция сама избрала слово в качестве основного средства самореализации. В слове же и связанных с ним разнообразных жанрах лучшие представители ее вели поиск смысла своего существования, предназначения, социального статуса, философствуя в соответствии со сложившейся в России традицией.

Хорошо об этом сказал Ф. А. Степун: «...русская философия никогда не была чистою, то есть отвлеченною мыслью, а всегда лишь мыслью, углубленною жизнью. С этим характером русской философии связано и то, почему типичною формою ее выражения редко являлись толстые, заботливо и обстоятельно на главы и параграфы разграфленные книги и так часто письма, отрывки, наброски и статьи лично-исповедального и общественно-полемиического характера. В противоположность немецкой философии XIX века русская мысль представляет собой не цикл замкнутых систем, а цепь вот уже целое столетие не прерывающихся разговоров, причем разговоров в сущности на одну и ту же тему»².

Таким образом, можно утверждать, что различные оценки статуса и значения интеллигенции в русской истории и культуре являются, как правило, плодом деятельности самого «изошренного интеллигентского ума»; любые попытки социальной, политической, нравственной идентификации интеллигенции являются в действительности самоидентификацией, несмотря на всю их разноречивость.

¹ Кириленко Г. Г. Посланник трех миров: интеллигенция в российской культуре // Социс. 1997. № 3. С. 74–83.

² Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 201–139.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

А. В. Медведев
Уральский госуниверситет

Толерантность — слово, которому словари различного статуса и объема придают сложный смысл: терпимость чего-/кого-либо к чему-/кому-либо. Живая практика бытийствования данного слова очерчивает границы той области культуры, где оно оказывается наиболее востребованным и эффективно-актуальным, и этой областью является сфера прежде всего религиозных отношений и, правда в меньшей степени, политических. Тот факт, что термин «толерантность» задействован в большей мере сегодняшней практикой в религиозной сфере, заслуживает внимания. Он, по крайней мере, свидетельствует о степени осознания различия вер, вынужденных, однако, сдерживать